

Боулби Джон

"СОЗДАНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ"

Лекция 1. Психоанализ и уход за ребенком

В апреле и мае 1956 года, как часть празднования столетней годовщины со дня рождения Фрейда, члены Британского психоаналитического общества прочитали пять публичных лекций в Лондоне на тему "Психоанализ и современное мышление". Меня пригласили прочесть лекцию на тему "Психоанализ и уход за ребенком". Эти лекции были опубликованы два года спустя.

Возможно, никакая другая область современного мышления не испытывает столь явного воздействия на нее трудов Фрейда, чем область, касающаяся ухода за ребенком. Хотя всегда имелись люди, которые знали, что ребенок - был отцом человеку, началом взрослого человека, и что материнская любовь дает нечто незаменимое растущему младенцу, до Фрейда эти старые истины никогда не были предметом научного исследования; поэтому они легко отменялись как необоснованные сентиментальности. Фрейд не только настаивал на том очевидном факте, что корни нашей эмоциональной жизни лежат в младенчестве и раннем детстве, но также пытался систематическим образом исследовать связь между событиями в первые годы жизни и структурой и функционированием личности впоследствии.

Хотя, как известно, формулировки Фрейда встретили сильную оппозицию - вплоть до 1950 года видные психиатры говорили нам, что нет такого свидетельства, что то, что происходит в первые годы жизни, имеет отношение к психическому здоровью - сейчас многие из его базисных утверждений принимаются как нечто само собой разумеющееся. Не только популярные журналы, подобно "PicturePost" [Еженедельное издание с очень большим тиражом, впоследствии прекратившее существование), говорят читающей публике, что "несчастный ребенок становится несчастным невротичным взрослым" и что важное значение имеет "поведение тех людей, среди которых растет ребенок,... а в самые ранние годы жизни поведение матери в особенности"; но эти взгляды повторяются также в публикациях Уайтхолла. Министерство внутренних дел (1955) при описании работы своего Департамента по проблемам детства отмечает, что "прошлые переживания ребенка играют жизненно важную роль в его развитии и продолжают иметь для него важное значение...", и дает рекомендацию, что "целью ухода за ребенком должно быть, насколько это возможно, обеспечение того, чтобы за каждым ребенком регулярно ухаживало одно и то же лицо". Наконец, имеется отчет, подготовленный специальным комитетом, назначенным министром образования, который всеобъемлюще рассматривает проблемы плохо приспособленного ребенка (Министерство образования,

1955). Он основывает свои бескомпромиссные рекомендации на таких утверждениях, как "Современные исследования говорят о том, что наиболее значимыми воздействиями для ребенка являются те, которые он испытывает до того, как начинает ходить в школу, и что к этому времени у него уже сформированы определенные отношения со значимыми лицами, которые могут решающим образом влиять на все последующее развитие ребенка", и что "Будет ли ребенок счастлив и уравновешен в этот период (более позднее детство) или несчастлив и не в ладах с обществом или со своими уроками, в значительной степени это зависит от одной вещи - адекватности раннего ухода за ним".

Отмечая столетие со дня рождения основателя психоанализа, уместно отметить подобные идеи как революцию в современном мышлении.

В настоящее время по крайней мере в отношении наиболее важных вопросов заботы о ребенке наблюдается достаточно большое согласие среди психоаналитиков и тех людей, кто прислушивается к их мнению. Например, все согласны относительно жизненной важности стабильного и постоянного взаимоотношения с любящей матерью (или заменителем матери) на всем протяжении младенчества и детства и относительно потребности ждать от ребенка определенной степени созревания, прежде чем решаться на такие вмешательства, как отнятие его от груди и приучение к горшку - и в действительности это касается всех других шагов в "воспитании" ребенка. Однако по другим вопросам есть существенные расхождения во взглядах, но в свете относительной новизны научного изучения этих проблем и их сложности было бы удивительно, если бы это обстояло не так. Такие разногласия в вопросах об уходе за ребенком часто вызывают у родителей замешательство и смущение, в особенности среди тех из них, кто "горячо стремится к определенности в нашей жизни". Насколько легче было бы для всех нас, если бы мы знали все или по крайней мере чуть больше ответов, касающихся проблемы, как воспитывать наших детей. Но данная проблема далека от разрешения в настоящее время, и я никоим образом не хочу вызывать у вас впечатление, что она решена. Однако я считаю, что работы Фрейда обеспечили нас некоторым прочным знанием и, кроме того, что, возможно, еще важнее, показали нам плодотворный путь рассмотрения проблем ухода за ребенком и дальнейшего их понимания.

Амбивалентность и ее регулирование

Дональд Винникотт в своей лекции о психоанализе и вине обсуждал жизненно важную роль для развития человека возникновения роста здоровой способности к переживанию чувства вины. Он ясно показал, что способность к переживанию вины является необходимым свойством здоровой личности. Хотя чувство вины и неприятно, подобно физической боли и тревоге, оно биологически необходимо и является частью цены, которую мы платим за привилегию быть людьми. В дальнейшем он описывал, как способность к чувству вины "подразумевает толерантность к амбивалентности" и принятие на себя ответственности как за нашу любовь, так и за нашу ненависть. Это были

темы, которые, благодаря влиянию Мелани Кляйн, представляли значительный интерес для британских аналитиков. Я хочу продолжить обсуждение роли амбивалентности в психической жизни - этой неудобной тенденции, которая присуща всем нам, испытывать злость и иногда ненависть к тому самому человеку, к которому мы питаем наибольшую любовь,- и рассмотреть те способы ухода за ребенком, которые, вероятно, создают для него более легкие или более трудные условия к развитию способности регуляции этого конфликта зрелым и конструктивным образом. Ибо я считаю, что главный критерий нашего суждения о ценности различных способов ухода за ребенком заключается в тех влияниях, благоприятных или неблагоприятных, которые они оказывают на развитие способности ребенка регулировать свой конфликт любви и ненависти и, посредством этого, на его способность переживать здоровым образом свою тревогу и вину.

Давайте кратко проследим идеи Фрейда на тему амбивалентности. Из всех бесчисленных тем, развиваемых им в своих трудах, эта тема - самая яркая и наиболее постоянная. Она впервые появляется в самый ранний период развития психоанализа. В ходе исследования сновидений Фрейд (1900) осознал, что сновидение, в котором умирает любимый человек, часто указывает на существование бессознательного желания, чтобы этот человек умер - откровение, если и менее удивляющее, чем тогда, когда это было выдвинуто впервые, но и в наши дни вызывающее не меньшую тревогу, чем полвека тому назад. В своем исследовании истоков этих неприятных пожеланий Фрейд обратился к эмоциональной жизни детей и выдвинул смелую для того времени гипотезу, что в первые годы жизни это правило, а не исключение, что по отношению как к нашим сиблингам (братьям и сестрам), так и к нашим родителям, мы испытываем чувства гнева и ненависти, а также заботы и любви. И действительно, именно в данном контексте Фрейд впервые ввел в обращение знакомые всем нам теперь темы сиблингового соперничества и эдипальной ревности.

В течение немногих лет после публикации Фрейдом своего великого труда по сновидениям, интерес к Детской сексуальности приводит его к теме амбивалентности, которая менее заметно выражена в его трудах. Она вновь появляется в 1909 году, когда в статье на тему обсессивного невроза Фрейд напоминает нам, что "в каждом неврозе мы наталкиваемся на одни и те же вытесненные инстинкты, лежащие за симптомами... ненависть сохраняется вытесненной в бессознательное посредством любви...". Несколько лет спустя, подчеркивая ключевую значимость этого конфликта, Фрейд (1912) ввел термин амбивалентность, который незадолго до этого был предложен Блейлером.

Та клиническая значимость, которую Фрейд придавал амбивалентности, отражена в его теоретических толкованиях. Мы видим, что в более ранней из двух его основных формулировок Фрейд постулирует, что интрапсихический конфликт происходит между сексуальными инстинктами и инстинктами Эго. Так как в то время Фрейд считал, что агрессивные импульсы являлись частью инстинктов Эго, он смог заключить, говоря, что "сексуальные инстинкты и инстинкты Эго с готовностью развивают резкую противоположность, что повторяет такую же противоположность любви и ненависти"

(1915). Тот же самый базисный конфликт вновь отражен во второй из его формулировок - относительно конфликта между инстинктом жизни и инстинктом смерти. В данной терминологии мы находим, что амбивалентность, обнаруживаемая у невротических пациентов, обусловлена, по мнению Фрейда, либо неудачей в процессе слияния инстинктов жизни и смерти, либо более поздним распадом слияния - а именно, расщеплением слияния (1923). Таким образом, он снова видит эту основополагающую клиническую и теоретическую проблему как понимание того, каким образом конфликт между любовью и ненавистью приходит к удовлетворительному или неудовлетворительному регулированию.

Существуют различные мнения относительно достоинств этих метапсихологических формулировок Фрейда, и они будут оставаться такими в течение многих десятилетий. Иногда я задаюсь вопросом о том, не склонны ли затемнять стимулированные ими теоретические споры и тот абстрактный язык, каким они были изложены, ту абсолютную обнаженность и простоту конфликта, который угнетает человеческий род - что мы злимся и хотим причинить боль тому самому человеку, которого больше всего любим. Такая предрасположенность человечества всегда занимала центральное место в христианской теологии и хорошо нам знакома по таким разговорным выражениям, как "укусить руку, кормящую нас", и "убить курицу, несущую золотые яйца". Это тема "Баллады о людях, по ком тюрьма плачет" Оскара Уайльда, один из стихов которой гласит:

Пусть знает каждый наперед,
Что губит он любимых,
Кого-то губит мрачный взгляд,
Иль льстивых слов обманный ряд,
Иль храбреца стальной булат,
Иль труса поцелуи!

Именно благодаря Фрейду значимость этого конфликта в жизни человека была сизнова осознана, и также благодаря ему этот конфликт впервые стал темой научного исследования. Теперь нам известно, что страх и вина, проистекающие из этого конфликта, лежат в основе многих психологических расстройств, а неспособность обратиться к этому страху и вине лежат в основе многих нарушений характера, включая закоренелую преступность. Хотя в нашей работе мы сделаем большой шаг вперед при более существенном прояснении теоретических проблем. По многим причинам я считаю, что большой прогресс может быть достигнут при использовании таких повседневных понятий, как любовь и ненависть, и конфликта - неизбежного конфликта,- который развивается внутри нас, когда эти чувства направлены на одно и то же лицо.

Тогда станет ясно, что шаги, каким младенец или ребенок совершает свой прогресс в отношении регуляции амбивалентности, критически важны для развития его личности. При благоприятном ходе развития он будет расти, не только осознавая существование

внутри себя противоположных импульсов, но будучи в состоянии направлять и контролировать их, а порождаемые ими тревога и вина будут терпимыми. При менее благоприятном процессе развития его будут одолевать импульсы, над которыми, как он чувствует, у него неадекватный контроль или даже нет никакого контроля; в результате он будет испытывать острую тревогу о безопасности тех лиц, которых он любит, но также и страх того возмездия, которое, как он считает, падет на его голову. При таком ходе развития подстерегает опасность - опасность исходящая от личности, прибегающей к разнообразным защитным маневрам, каждый из которых создает больше трудностей, чем разрешает их. Например, страх наказания, ожидаемого в результате враждебных действий - а также, конечно, вследствие враждебных намерений, так как для ребенка всегда трудно ясно отличить одно от другого - часто приводит к еще большей агрессии. Таким образом, мы обнаруживаем, что агрессивный ребенок действует, исходя из того, что атака - лучший способ защиты. Сходным образом, чувство вины может вести к компульсивному требованию утешения и демонстрации любви, а когда эти требования не удовлетворяются, к дальнейшей ненависти и, следовательно, к усилению переживаний чувства вины. Такие порочные круги возникают, когда способность ребенка регулировать любовь и ненависть развивается неблагоприятно.

Кроме того, когда у ребенка отсутствует уверенность в собственной способности контролировать свои несущие угрозу импульсы, есть опасность, что он невольно прибегнет к одному или более из множества примитивных и довольно неэффективных механизмов психической защиты, предназначенных оградить любимых им людей от повреждения, а его самого - от боли острого конфликта, который кажется ему неразрешимым другими способами. У этих средств психической защиты, которые включают в себя подавление одного или обоих компонентов конфликта - иногда ненависти, иногда любви, а иногда их обоих,- смещение, проекцию, сверхкомпенсацию и многие другие, есть одна общая черта: вместо открытого представления конфликта и работы с тем, каков он в действительности, все эти защитные механизмы являются уклонениями и отрицаниями существования данного конфликта. Неудивительно, что они так неэффективны!

Прежде чем перейти к нашей главной теме - обсуждению условий, которые в детстве благоприятствуют или задерживают развитие способности регулировать конфликт,- мне бы хотелось подчеркнуть еще одну вещь: в конфликте нет ничего нездорового. Напротив: конфликт является нормальным состоянием дел для всех нас. Ежедневно в нашей жизни мы снова открываем для себя, что если мы следуем определенному ходу действий, нам придется воздержаться от других возможностей, которые также желательны; мы обнаруживаем на самом деле, что нельзя съесть торт и одновременно иметь его при себе. Поэтому ежедневно в нашей жизни мы сталкиваемся с задачей выбора между соперничающими интересами внутри нас самих и регулирования конфликтов между непримиримыми импульсами. Другие животные сталкиваются с той же самой проблемой. Лоренц (1956) описал, как ранее считалось, что один лишь человек являлся жертвой

противоречивых импульсов, но что, как теперь стало известно, животных постоянно тревожат импульсы, несовместимые друг с другом, такие, как нападение, бегство и сексуальное приближение.

Хорошим примером этого является период ухаживания малиновки [Имеется в виду европейская малиновка, а не американская]. Самец и самка малиновки имеют одинаковую окраску - у обоих красные грудки. Весной малиновка-самец помечает границу собственных владений и склонен атаковать всех вторгающихся пришельцев с красными грудками. Это означает, что когда потенциальная жена залетает на его территорию, его первый импульс - атаковать ее, а ее первый импульс - спастись бегством. Лишь когда она становится робкой, враждебные импульсы самца тормозятся и пробуждаются его ответные импульсы к ухаживанию. Поэтому на ранних фазах ухаживания оба пола находятся в состоянии конфликта, самец разрывается между атакой и сексуальным наступлением, а самка - между флиртом и бегством.

Все недавние исследования в психологии и биологии безошибочно показали, что поведение как у других организмов, так и у самого человека, является результирующей почти постоянного конфликта взаимодействующих импульсов: конфликт не является уникальной принадлежностью ни человека как представителя вида, ни невротического человека как представителя подгруппы с определенным страданием. Но что характеризует психологически нездоровых людей, так это их неспособность удовлетворительно регулировать свои конфликты.

Условия, которые порождают трудности

Что же нам известно о тех условиях, которые порождают трудности регулирования конфликтов? Почти несомненно, что главной чертой конфликта, которая делает трудным его регулирование, является значимость его компонентов. В случае амбивалентности проблема регулирования конфликта возрастет, если либо импульс достичь либидинального удовлетворения¹, либо импульс оскорбить и уничтожить любимого человека необычайно силен. Фрейд осознавал это с самого начала. Очень рано в своей работе он отказался от идеи о том, что либо существование, либо природа переживаемых конфликтов отличает психически здоровых людей от их менее счастливых собратьев; вместо этого он предположил, что отличие заключается в том, что психоневротики проявляют "преувеличенным образом чувства любви и ненависти к своим родителям, которые менее очевидно и менее интенсивно встречаются в умах большинства детей"

¹ Здесь и в последующих параграфах я использую традиционную терминологию, говоря о "либидинальных требованиях" или "либидинальных потребностях". В настоящее время я говорил бы вместо этого о желании любви и привязанности у ребенка или, возможно, о "стремлении к безопасной привязанности" у ребенка.

(1900). Эта точка зрения была обильно подтверждена клинической работой в последние пятьдесят лет.

Один из ключей к уходу за ребенком поэтому состоит в том, чтобы обращаться с ребенком таким образом, чтобы ни один из двух импульсов, которые подвергают опасности любимого человека – либидинальная жадность и ненависть, – не становился слишком интенсивным. В отличие от некоторых аналитиков, которые достаточно пессимистичны по поводу врожденной силы импульсов ребенка, я полагаю, что у большинства детей это условие довольно легко осуществимо при наличии одной вещи – что у ребенка есть любящие его родители. Если младенец и маленький ребенок обладает любовью и взаимностью своей матери, а также и своего отца, он будет расти без чрезмерного давления страстного либидинального желания и без чрезмерно сильной склонности к ненависти. Если же он лишен всего этого, то есть вероятность, что его либидинальное желание будет интенсивным, что означает, что он будет постоянно искать любви и привязанности и будет постоянно склонен ненавидеть тех людей, которые, как он считает, не смогли проявить по отношению к нему любовь и привязанность.

Хотя отвергающаяся ранее потребность младенца и маленького ребенка в любви и безопасности теперь хорошо известна, все же имеются люди, которые выступают против этого. Почему младенец должен выдвигать такие требования? Почему он не может быть удовлетворен меньшей заботой и вниманием? Как можно так все устроить, чтобы ноша родителей была более легкой? Возможно, однажды, когда мы будем больше знать о либидинальных потребностях маленького ребенка, мы сможем более точно описать его минимальные требования. Тем временем нам следует быть мудрыми, уважая его потребности и осознавая, что их отвержение часто порождает в ребенке могущественные силы либидинального желания и склонности к ненависти, которые впоследствии могут стать причиной огромных трудностей как для него, так и для нас. Давайте не преуменьшать те трудности для женщин, которые возникают вследствие необходимости пойти навстречу потребностям младенца. В прошлые времена, когда для них было закрыто высшее образование, имел место меньший конфликт между требованиями семьи и карьеры, хотя фрустрация для способных и амбициозных женщин была не менее сильна.

В наше время все обстоит по-иному. Мы с желанием приглашаем женщин в те профессии, где они стали играть незаменимую роль. И действительно, во всех сферах деятельности, связанных со здоровьем и благополучием детей, они стали встречаться среди наших лидеров. Однако этот прогресс, подобно любому росту и развитию, породил свои напряженные отношения, и многим из вас, собравшихся здесь сегодня вечером, знакома не понаслышке проблема регуляции вступающих в конфликт требований семьи и карьеры. Решение нелегко, а тяжесть этой ноши развращающе влияет на тех из нас, кто достаточно удачлив, не сталкиваясь лицом к лицу с проблемой установления для другого пола правил, как им следует решать эту проблему. Давайте надеяться, что с течением времени наше общество, которое все еще главным образом организовано для удобства

мужчин и отцов, станет приспособливаться к нуждам женщин и матерей и начнут развиваться социальные традиции, которые станут направлять индивидов на мудрое поведение.

Давайте теперь вернемся к нашей теме и рассмотрим, что происходит, когда по какой-либо причине на потребности младенца не реагируют достаточным образом и в должное время. Уже в течение нескольких лет я занимаюсь исследованием неблагоприятных последствий, сопровождающих отделение детей от их матерей в то время, когда они сформировали по отношению к ним эмоциональную привязанность. Имелось несколько причин для выбора мной этой темы для исследования: во-первых, результаты работы имели немедленное и ценное применение; во-вторых, это та область, в которой мы получаем достаточно надежные научные данные и поэтому показываем тем людям, которые все еще сверхкритичны к психоанализу, что его притязания на научный статус хорошо обоснованы; наконец, переживания ребенка, разъединенного со своей матерью, дают нам драматический, если не трагический, пример этой центральной проблемы психопатологии - порождения столь громадного конфликта, что нормальные средства его регуляции полностью разрушаются.

Теперь представляется вполне очевидным, что как раз вследствие порождаемой интенсивности как либидинального желания, так и ненависти, отделение ребенка от матери после сформировавшегося с ней эмоционального взаимоотношения может быть столь повреждающим для развития его личности. В течение ряда лет мы сталкивались с острой тоской и страданием, которые проявляют столь многие маленькие дети при поступлении в больницу или в связанные с местом жительства детские приют-ясли, и с тем, как впоследствии, после того как их чувства оттаивали по возвращении домой, они отчаянно цеплялись к своим матерям и следовали за ними. Нет надобности подчеркивать возросшую интенсивность их страстных либидинальных требований. Сходным образом мы узнали, как эти дети отвергают своих матерей, когда впервые видят их снова, и горько обвиняют матерей за то, что они их бросили.

Много примеров интенсивной враждебности, направленной против фигуры наиболее любимого человека, были описаны Анной Фрейд и Дороти Берлингам в отчетах Хэмпстедского приюта-яслей во время войны. Особенно горьким примером является случай Регги, который, за исключением двухмесячного интервала, провел всю свою жизнь в приюте-яслях, начиная с пятимесячного возраста. За время своего пребывания там он сформировал "два страстных взаимоотношения к двум молодым нянечкам, которые заботились о нем в разные периоды времени. Вторая привязанность была внезапно разрушена в два года и восемь месяцев, когда его "собственная" няня вышла замуж. Он был полностью потерянным и несчастным после ее ухода и отказался смотреть на нее, когда она навестила его две недели спустя. Он отворачивал от нее свое лицо, когда она разговаривала с ним, но пристально смотрел на дверь, которая за ней

закрылась после ее ухода из комнаты. Вечером он сел в постели и сказал: "Моя очень собственная Мэри-Анна! Но я не люблю ее". (Burlingham, Freud, 1944).

Подобные переживания, в особенности если они неоднократны, приводят к чувству того, что тебя не любят, бросают и отвергают. Именно эти чувства выражены в трагикомических поэмах одиннадцатилетнего трудного подростка, чья мать умерла, когда ему было пятнадцать месяцев и у которого с тех пор сменилось несколько заместительных матерей. Вот один из стихов (я не уверен, оригинален он или нет), который он написал во время лечения у моей коллеги, Яны Поппер, и в котором, по-видимому, выражено то, что, по его мнению, являлось причиной его перехода от одной материнской фигуры к другой:

Ребенок был у толстяка, в зеленое одет,
Он королеве послан был, завернутый в конверт..

Но не понравились ей его большие ножки,
Она порезала конверт и выбросила кошке.

И той он был не по нутру, казался слишком тонок,
Конверт втащила королю, порезав до пеленок.

Но невзлюбил его король, медлительным считая,
И выбросил ребенка прочь в окно в воронью стаю.

Позднее, когда его врач уезжала в отпуск, он выразил свое отчаяние, что его никогда не любили, словами из известной песенки:

Увы, любимая моя, все тускло стало вновь,
Не верю я теперь словам, в ответную любовь,
Когда б любила ты меня, твердя о том не раз,
Меня б не бросила ты здесь, в Америку стремясь.

Вряд ли удивительно, что столь интенсивное отчаяние идет наравне со столь же интенсивной ненавистью. Чем большую любовь он питал к своему врачу, тем более склонен был к вспышкам яростной ненависти, некоторые из которых становились весьма опасными. Представляется очевидным, что неоднократные разлучения с фигурами привязанности в ранние годы жизни породили в этом мальчике склонность к интенсивной амбивалентности такой величины, которая не могла гармонично регулироваться незрелой психической структурой его личности, и что продолжали действовать патологические механизмы регуляции, установившиеся у него в ранние годы жизни.

Другой пример того, как разлучение с матерью провоцирует у ребенка как интенсивную либидинальную потребность, так и интенсивную ненависть, представлен исследованием моего коллеги, Кристофа Хейнике (1956). Он сравнил реакции двух групп детей одного возраста (от 15 до 30 месяцев); одна группа находилась в связанном с местом жительства

детском приюте-яслях, другая - в дневных яслях. Хотя дети в обеих группах показывали озабоченность по поводу возвращения своих утраченных родителей, дети в детском приюте-яслях выражали свои желания намного более сильным плачем - другими словами, более интенсивно; сходным образом, именно дети в детском приюте-яслях, а не в детских яслях, были склонны в различных ситуациях действовать яростно враждебным образом. Хотя это лишь предположение, что такая враждебность первоначально направлена против отсутствующих родителей, определенные находки этого основанного на статистических данных исследования согласуются с гипотезой, выдвинутой несколько лет тому назад (Bowlby, 1944), что одним из главных последствий разделения матери и ребенка является огромная интенсификация конфликта амбивалентности.

До сих пор при рассмотрении того, что в раннем детстве порождает трудности в регуляции амбивалентности, мы сосредоточивали свое внимание на таких переживаниях, как депривация, связанная с отсутствием матери, приводящих к страстному либидинальному желанию и ненависти, достигающих чрезвычайно высоких уровней. Естественно, имеется, помимо депривации, много других событий, которые могут дать начало трудностям в регуляции амбивалентности. Например, стыд и вина также могут породить огромные затруднения. Ничто не помогает ребенку в большей степени, чем способность выражать враждебные и ревностные чувства откровенно, прямо и спонтанно, и я полагаю, что нет более значимой задачи родителя, чем быть способным хладнокровно принять такие выражения дерзости ребенка, как "я ненавижу тебя, мамочка" или "папочка, ты - скотина". Выдерживая эти взрывы гнева, мы показываем нашим детям, что мы не боимся их ненависти и уверены, что она может контролироваться; кроме того, мы обеспечиваем ребенка атмосферой терпимости, в которой может расти его самоконтроль.

Для некоторых родителей трудно поверить, что такие методы мудры или эффективны, и они считают, что детям следует вбить в голову, что ненависть и ревность не только плохи, но потенциально опасны. Есть два общераспространенных метода, как это делается. Первым является мощное выражение неодобрения поведения ребенка посредством наказания; вторым – более тонким и эксплуатирующим его чувство вины – является внушение ребенку его чувства неблагодарности и подчеркивание той боли, физической и моральной, которую его поведение причинило его преданным родителям. Хотя оба этих метода предназначены для контроля порочных страстей ребенка, клинический опыт показывает, что ни один из них не является очень успешным и что оба они вносят тяжкий вклад в несчастье ребенка. Оба метода склонны порождать у ребенка | страх своих чувств и вину по поводу их проявления, загонять их в подполье и, таким образом, делать контроль над ними для ребенка более, а не менее трудным делом. Оба метода склонны порождать трудных личностей: первый метод - наказание - способствует порождению бунтарей, а если он очень суров, то правонарушителей; второй метод – стыд – порождает невротиков, скупаемых чувствами вины и тревоги. Как в политике, так и с детьми: в конце концов устойчивость к оппозиции приносит щедрые плоды.

Несомненно, многое до сих пор сказанное всем нам знакомо: дети нуждаются в любви, безопасности и терпимости. Все это очень хорошо, можете вы сказать, но неужели мы никогда не можем фрустрировать наших детей и должны позволять им делать все, что вздумается? Все это избегание фрустрации, можно сказать, приведет лишь к тому, что вырастая, дети будут становиться грубыми отпрысками растоптанных родителей. Это, я полагаю, является *non sequitur* (не вытекающим одно из другого – лат.), но так как такие заключения столь часто выводятся, следует рассмотреть их в полной мере.

Во-первых, те фрустрации, которые действительно имеют значение, связаны с потребностью ребенка в любви и заботе родителей. При условии, что эти потребности удовлетворяются, фрустрации другого типа несущественны. Родители не то что обязаны быть особенно добрыми к ребенку. На самом деле в искусство быть хорошим родителем входит способность отличать фрустрации, которых можно избежать, от неизбежных фрустраций. Можно избежать громадного количества трений и гнева у маленьких детей и вспышек гнева со стороны их родителей посредством таких простых процедур, как вручение ребенку подходящей игрушки, прежде чем запретить ему брать с полки дорогой фарфор матери, или же ненавязчиво, тактично потакая ему, уложить ребенка в постель, вместо требования незамедлительного послушания, или же разрешить ему выбирать собственную диету и есть так, как ему это нравится, включая, если он этого хочет, кормиться из бутылочки до двухлетнего возраста или более.

То количество нервного возбуждения и раздражения, которое мы испытываем в результате ожидания от маленьких детей соответствия нашим собственным представлениям о том, что, как и когда им следует есть, смешно и трагично – тем более в наше время, когда столь многие тщательные исследования показывают, с какой эффективностью младенцы и маленькие дети могут регулировать собственную диету и как удобно для нас самих, когда мы принимаем эти методы (Davis, 1939). Разумеется, что имеется много ситуаций ухода за ребенком, где можно избежать фрустрации без каких-либо неудобств для нас и с благоприятным влиянием на общее настроение всех, но есть и другие ситуации, когда это невозможно. Огонь опасен, фарфор хрупок, чернила пачкают ковер, нож может поранить другого ребенка, а также и самого ребенка, играющего им. Как нам избежать таких катастроф? Первое правило – это так устроить обстановку в доме, чтоб огонь был огражден, а фарфор, чернила и ножи находились вне досягаемости ребенка. Второе правило – это дружеское, но твердое вмешательство.

Любопытно, как много умных взрослых считают, что существует лишь одна альтернатива тому, чтобы позволять ребенку стоять на голове, наказывать его. Политика твердого, но дружеского вмешательства всякий раз, когда ребенок делает что-либо, что мы хотим остановить, не только порождает меньшую горечь, чем наказание, но в конце концов намного более эффективна. Я считаю, что точка зрения, согласно которой наказание эффективно как средство контроля, является одной из огромных иллюзий западной цивилизации. Для детей более старшего возраста и взрослых оно используется в качестве

вспомогательного средства к другим методам; в ранние же годы наказание, я верю этому, неприемлемо и потому, что оно является ненужным, и потому, что оно может породить в виде тревоги и ненависти намного большее зло, чем то, которое мы намеревались исправить.

К счастью, с младенцами и маленькими детьми, которые существенно меньше нас, легко осуществлять дружеское вмешательство; в крайнем случае мы можем подхватить ребенка на руки и отнести его в сторону. Та цена, которую мы должны заплатить,- это лишь наше постоянное присутствие, и я убежден, что родителям разумно заплатить эту цену. В любом случае явно необоснованно представление о том, что маленьких детей можно дисциплинировать в выполнении правил поведения так, что они будут ходить по струнке даже в наше отсутствие. Маленькие дети быстро узнают, что нам нравится и не нравится, но они не обладают необходимым психическим аппаратом, чтобы всегда осуществлять наши желания в наше отсутствие. Приучение маленьких детей к дисциплине, так быстро вселяющее страх в ребенка, что он становится инертным, обречено на неудачу, а те, кто пытается провести его в жизнь, обречены на опустошающую фрустрацию. В качестве примера практики твердого, но дружественного вмешательства нет ничего лучше, чем деятельность умелой воспитательницы детских яслей, и родители могут многому у нее научиться.

Следует заметить, что эта техника дружеского вмешательства не только избегает стимуляции гнева и горечи, бессознательных и, по-моему, неотделимых от наказания, но обеспечивает ребенка моделью для эффективной регуляции его конфликтов. Она показывает ребенку, что насилие, ревность и жадность могут обуздываться мирными средствами и что нет надобности прибегать к таким радикальным мерам, как осуждение и наказание, которые, когда они копируются ребенком, склонны деформироваться его примитивным воображением в патологическую вину и безжалостное самонаказание. Конечно, данная техника основывается на точке зрения, которую, следуя Мелани Кляйн, излагает нам Дональд Винникотт, – точке зрения, состоящей в том, что в людях присутствует зародыш врожденной морали, который, если ему дают возможность расти, обеспечивает личность ребенка эмоциональными основами морального поведения. Это воззрение, которое ставит рядом с идеей о первородном грехе (большое свидетельство укоренения которой психоанализ открывает в человеческом сердце) идею о первородной заботе о других людях или о первородной доброте, которая при благоприятных обстоятельствах одержит верх. Это осторожно оптимистический взгляд на человеческую природу, который, по-моему, оправдан.

Эмоциональные проблемы родителей

До сих пор мы исследовали некоторые условия ухода за ребенком, которые, по всей видимости, способствуют здоровому развитию способности ребенка регулировать конфликт. Теперь время рассмотреть эту проблему с точки зрения родителей. Нас вполне

обоснованно могут спросить, не рекомендуем ли мы, что родители должны быть бесконечно любящими, терпимыми и осуществляющими дружеский контроль? Я думаю, что нет... и как родитель надеюсь, что это не так. Мы, родители, также испытываем чувства гнева и ревности и хотим мы этого или нет, они должны иногда выражаться, произвольно или непроизвольно. Я считаю и, конечно, надеюсь, что если общая основа чувств и взаимоотношений является хорошей, то случающиеся время от времени вспышки гнева или шлепанье ребенка приносят мало вреда; они, конечно, помогают облегчить наши чувства, а также, возможно, продемонстрировать нашим детям, что, по-видимому, у нас есть точно такие же проблемы, как и у них. Такие спонтанные выражения чувств, возможно, с последующими извинениями, если мы зашли чересчур далеко, можно резко отличать от наказания с его формальным допущением, где лежит правда и неправота. Афоризм Бернарда Шоу, что ребенка никогда не следует бить, кроме как под горячую руку, хорошо подходит в данной связи.

Тот момент, который хорошо иметь в виду тем людям, которые не являются родителями, состоит в том, что всегда намного легче заботиться о детях других людей, чем о своих собственных. Благодаря эмоциональным узам, привязывающим ребенка к родителю и родителя к ребенку, дети всегда ведут себя более ребяческим образом со своими родителями, чем с другими людьми. Очень часто можно слышать, как действующие из лучших побуждений люди замечают, что данный ребенок превосходно ведет себя с ними и что его ребяческое и трудное поведение со своей матерью обусловлено тем, что она плохо с ним справляется: обычно ее обвиняют в том, что она его портит! Такая критика неуместна и намного чаще является проявлением невежественности критики в отношении детей, чем некомпетентности родителя. Присутствие отца или матери неизбежно пробуждает примитивные и бурные чувства, не пробуждаемые другими людьми. Это справедливо даже в мире птиц. Молодые вьюрки, вполне способные кормиться самостоятельно, сразу начинают просить еду инфантильным образом, если видят своих родителей.

Так что родители, и в особенности матери, крайне опорочены; боюсь, что они опорочены в особенности профессиональными работниками, как медиками, так я не медиками. Все-таки было бы глупо притворяться, что мы не допускаем ошибок. Некоторые ошибки порождены невежественностью, но, возможно, еще большее их число происходит от тех бессознательных эмоциональных проблем, которые берут начало из нашего собственного детства. Хотя когда изучаешь детей в детской воспитательной клинике, во многих случаях представляется, что трудности детей возникли вследствие невежества родителей относительно таких вещей, как неблагоприятные последствия лишения матери или преждевременного и чрезмерного наказания. По-видимому, намного более часто проблемы поведения возникают у детей потому, что у самих родителей имеются эмоциональные трудности, которые они лишь частично осознают и которые не могут контролировать. Иногда они прочитывают все последние книги по уходу за ребенком и посещают всевозможные лекции психологов в надежде, что откроют для себя, как

обращаться со своими детьми, и все же у них ничего не получается. Действительно, неудача многих родителей, одержимых "психологическими идеями" хорошо справляться со своими детьми, привела циников к дискредитации этих идей. Я считаю, что это ошибка. Однако мы должны осознать, что значение имеет не только то, что мы делаем, но и как мы это делаем. Кормление ребенка тревожной и амбивалентной матерью, требовательной к себе, вероятно, приведет к намного большим проблемам, чем режим ребенка, отрегулированный по часам, в руках матери, расслабленной и счастливой. То же самое можно сказать в отношении современных методов приучения ребенка к горшку, в отличие от старых. Это не означает, что современные методы не лучше; это значит, что они лишь часть того, что имеет значение, и что люди с рождения и в дальнейшем более чувствительны к эмоциональным отношениям вокруг них, чем к чему-либо еще.

В этом нет ничего загадочного; нет никакой надобности взывать к шестому чувству. Очень маленькие дети даже еще более восприимчивы к значению эмоциональной окраски голоса, жеста и выражения лица, чем взрослые, и с самого рождения младенцы крайне чувствительны к тому, как за ними ухаживают. (Смотрите, например, отчет Stewart et al. (1954) о младенцах, которые чрезмерно плачут. Было обнаружено, что это реакция младенцев на затруднения их матерей осуществлять за ними разумный уход.) Одна очень тревожная мать, проходящая у меня лечение, рассказала мне, как она обнаружила, что ее восемнадцатимесячный мальчик, который, как она жаловалась, крайне плаксив и прилипчив, реагирует совершенно по-разному в соответствии с тем, каким образом она уходит из комнаты. Если она вскакивает и опрометью выбегает из комнаты, чтобы выключить кипящую кастрюлю, в которой вода переливается через край, он плачет и требует ее возвращения. Если она уходит из комнаты спокойно, он едва замечает ее уход. Вдобавок к интеллектуальному пониманию, которое я не осуждаю, умелый уход за ребенком основывается на чувствительности матери к реакциям своего ребенка и на ее способности интуитивно адаптироваться к его потребностям.

Здесь нет ничего нового. Снова и снова мы слышим, как воспитатели и другие люди говорят, что ребенок страдает из-за отношения к нему одного из своих родителей, обычно матери. Нам говорят, что она чрезмерно придирчива к своему ребенку или чрезмерно озабочена на его счет, чрезмерно собственническая или отвергающая, и снова и снова такие комментарии оправданы. Но что критики обычно не в состоянии принять в расчет, так это бессознательное происхождение этих неблагоприятных отношений. Как результат, чрезмерно часто совершающие ошибки родители подвергаются смеси наставлений и критики, каждая из которых столь же бесполезна и неэффективна, как и другая.

Психоаналитический подход сразу проливает много света на происхождение затруднений родителей и обеспечивает рациональный путь оказания им помощи. Для вас будет неудивительно узнать, что очень многие из тех трудностей, с которыми сталкиваются родители, проистекают от их неспособности регулировать собственную амбивалентность. Когда мы становимся родителями ребенка, пробуждаются

могущественные эмоции, столь же сильные, как и те, которые привязывают ребенка к матери или любовников друг к другу. У матерей в особенности наличествует столь же сильное желание полнейшего обладания, такой же преданности и полного отвода интереса от других людей. Но, к сожалению, наряду с этими нежными и любовными чувствами, слишком часто также приходит примесь - колеблюсь сказать это - примесь негодования и даже ненависти. Вторжение враждебности в чувства матери или отца кажется столь странным и даже пугающим, что некоторым из вас трудно в это поверить. Однако это реальность, и иногда жестокая реальность, как для родителя, так и для ребенка. Каково ее происхождение?

Хотя все еще трудно объяснить эту враждебность, представляется ясным, что те чувства, которые пробуждаются в нас, когда мы становимся родителями, имеют очень много общего с теми чувствами, которые были пробуждены в нас, когда мы были детьми, нашими родителями, братьями и сестрами. Мать, которая в детстве страдала от депривации, может, если она не стала неспособной к нежным чувствам, испытывать интенсивную потребность обладать любовью своего ребенка и может пойти очень далеко для обеспечения себя этой любовью. Родитель, который испытывал ревность к младшему сиблингу, может начать испытывать необоснованную враждебность к новому "маленькому чужаку" в семье, чувство, которое особенно знакомо отцам. Родитель, чья любовь к своей матери была наполнена антагонизмом вследствие ее требовательного поведения, может начать испытывать негодование и ненависть в связи с требовательным поведением младенца.

Я считаю, что возникающее затруднение связано не с простым повторением старых чувств – возможно, определенное количество подобных чувств имеется у каждого родителя, – но с неспособностью родителя терпеть и регулировать эти чувства. Те люди, которые в детстве испытали интенсивную амбивалентность к родителям или братьям и сестрам и которые затем бессознательно прибегли к одному из многих примитивных и ненадежных способов разрешения конфликта, о которых я говорил ранее, - к подавлению, смещению, проекции и так далее - не подготовлены к возобновлению конфликта, когда становятся родителями. Вместо осознания подлинной природы своих чувств по отношению к ребенку и соответствующего регулирования своего поведения, они обнаруживают, что движимы силами, которых не знают, и озадачены тем, что неспособны быть столь любящими и терпимыми, как им этого бы хотелось. Их трудность заключается в том, что, не осознавая этого, они борются с их вновь возникшими амбивалентными чувствами теми же самыми примитивными и ненадежными способами, к которым прибегали в раннем детстве в тот период жизни, когда им не были доступны какие-либо более удачные способы решения психического конфликта.

Таким образом, мать, которая постоянно испытывает тревогу, что ее ребенок может умереть, не осознает собственного импульса убить своего ребенка² и, принимая то же самое решение, которое она приняла в детстве, возможно, в связи с желаниями смерти, направленными против собственной матери, бесконечно и бесплодно сражается, чтобы отвести отовсюду подступающие опасности – несчастные случаи, болезни, небрежность соседей. Отец, который негодует в отношении обладания младенцем его женой и твердит о том, что ее заботливость к нему в связи с этим ухудшилась, не осознает, что побуждаем той же самой ревностью, которую испытывал в детстве, когда родился его младший сиблинг.

То же самое справедливо относительно матери, побуждаемой владеть любовью своего ребенка, которая путем нескончаемого самопожертвования пытается обеспечить, чтобы у ее ребенка не было никакого оправдания для каких-либо иных чувств к ней, отличных от чувств любви и благодарности. Эта мать, которая на первый взгляд кажется столь любящей, неизбежно порождает в ребенке огромное негодование своими требованиями его любви, и в равной степени пробуждает в нем огромную вину своими притязаниями на то, что она столь хорошая мама, что неоправданно никакое иное чувство к ней, кроме благодарности. Ведя себя таким образом, она, конечно, не осознает, что пытается заслужить любовь, которую никогда не имела сама, когда была ребенком. Я хочу повторить, что, по-моему, дело заключается не просто в том, что поведение родителей мотивируется таким образом, который порождает трудности для детей; что действительно порождает беды, так это неведение родителей относительно собственных мотивов поведения и их невольное прибегание к вытеснению, рационализации и проекции при столкновении со своими конфликтами.

Возможно, для взаимоотношения нет ничего более вредоносного, чем когда одна сторона приписывает собственные неудачи другой стороне, делая ее козлом отпущения. К сожалению, младенцы и маленькие дети являются великолепными козлами отпущения, так как они столь открыто проявляют все те грехи, которые наследует их плоть: они эгоистичны, ревнивы, чрезмерно сексуальны, неряшливы и склонны к вспыльчивости, упрямству и жадности. Родитель, который несет на себе груз вины того или иного из этих недостатков, склонен становиться необоснованно нетерпимым к подобным проявлениям у своего ребенка. Он мучает ребенка своими тщетными попытками искоренить этот порок.

Я вспоминаю отца, который, будучи всю жизнь озабочен собственной мастурбацией, пытался положить ей конец у своего сына, ставя его под холодный душ всякий раз, когда обнаруживал руку сына на гениталиях. Действуя подобным образом, родитель

² Имеются несколько различных состояний психики, которые могут приводить мать к постоянным опасениям, как бы не умер ее ребенок. Бессознательное желание убить своего ребенка - лишь одно из них. Среди других следует упомянуть предшествующую утрату ребенка, утрату сиблинга в детстве и насильственное поведение отца ребенка. См. также обсуждение фобий в главах 18 и 19 трактата "Привязанность и утрата", том 2.

увеличивает вину ребенка, а также его страх и ненависть к власти. Некоторые из наиболее отравленных взаимоотношений родитель-ребенок, которые приводят к тяжелым проблемам у детей, проистекают от родителей, которые, видя сучки в глазах своих детей, избегают замечать бревна в собственных глазах.

Ни на одного из специалистов аналитической ориентации, кто работал в детской воспитательной клинике, не могла не произвести впечатления та частота, с которой те или другие сравнимые эмоциональные проблемы встречаются у родителей детей, направляемых в клинику, или та степень, в которой проблемы родителей, по всей видимости, породили или обострили трудности детей. И действительно, они настолько часто встречаются у родителей детей с эмоциональными проблемами, что во многих клиниках уделяется большое внимание помощи родителям разрешать свои эмоциональные проблемы как помогающей решению проблем их детей. Поэтому любопытно отметить, что этот аспект психологических расстройств, по-видимому, был почти неизвестен Фрейду и, возможно, по этой причине является таким аспектом, которому психоаналитики, по-моему, должны уделять особое внимание.

Однако мы с оптимизмом смотрим в будущее относительно его разрешения. Тот ограниченный опыт, которым мы обладаем, говорит в пользу того, что умелая помощь, оказываемая родителям в критические месяцы перед и после рождения ребенка и в первые годы его жизни, может очень сильно помочь родителям развить нежное и понимающее взаимоотношение со своим младенцем, которого почти все из них желают. Мы знаем, что самые ранние годы жизни младенца, когда неизвестным ему образом закладываются основы его личности, являются критическим периодом в его развитии. Точно так же представляется, что первые месяцы и годы после рождения ребенка являются критическим периодом в развитии матери и отца. В этой самой ранней фазе родительства чувства родителей, по-видимому, более податливы влиянию, чем в другое время. В это время они часто ищут помощи и благодарны за нее, и так как взаимоотношения в семье все еще пластичны, то она эффективна. Сравнительно небольшая помощь, если она умелая и оказывается в необходимый момент, может иметь долговременное значение.

Если мы правы, полагая это, тогда семья с новым младенцем является тем стратегическим пунктом, в котором можно блокировать порочный круг, где растут беспокойные дети, становясь психологически нарушенными родителями, которые, в свою очередь, станут воспитывать своих детей таким образом, что будущее поколение развивает те же самые или сходные эмоциональные проблемы. В настоящее время хорошо известно преимущество лечения маленьких детей; теперь мы выступаем в защиту точки зрения, что родителям также следует помогать вскоре после их "рождения"!

Осознание того, что главная причина родительских ошибок лежит в их чувстве, питаемом к своим детям, которое искажено бессознательными конфликтами, проистекающими из собственного детства родителей, вероятно, еще не впиталось в современное мышление.

Такое осознание тревожно и вызывает беспокойство не только родителей, многие из которых вполне естественно надеются, что семейные трудности лежат где угодно, кроме их собственных сердец, но озадачивает также профессиональных работников, как медиков, так и не медиков, при обнаружении того, что столь многие из тех проблем, с которыми они постоянно сталкиваются, по-видимому, лежат в недостижимой области, относительно которой они не обладают необходимым знанием и в которой они не обучены оказывать помощь. Тем не менее ясно, что это так и что для оказания родителям той глубинной помощи, которая сможет позволить им стать хорошими родителями, чего они сами ищут, профессиональный персонал должен достичь намного большего понимания бессознательного конфликта и его роли в порождении нарушений в управлении родителями своими детьми. Это поднимает проблему первостепенной важности, которая слишком громадна для нас, чтобы рассматривать ее сегодня вечером.

Экстраспсихический конфликт и интрапсихический конфликт

Как будет видно, защищаемая мной точка зрения основана на вере в то, что многое в психическом нездоровье и несчастье обусловлено воздействиями окружающей среды, изменить которые в нашей власти. В психоанализе, как и в других направлениях психиатрии, да и во всех биологических науках, постоянно обсуждаются влияния окружающей среды и воспитания в развитии личности. Наша проблема заключается в понимании того, почему один индивид вырастает без особых трудностей в своей эмоциональной жизни, в то время как жизнь другого отягощена этими проблемами. Несомненно, что разнообразие как в наследственности, так и в воздействии окружающей среды играет в этом огромную роль.

Однако сам Фрейд, возможно, вследствие своей первой гипотезы о воздействии окружающей среды (относительно влияния сексуального совращения в детстве), оказавшейся ошибочной, был осторожен в объяснении трудностей родителей как значимых в разнообразии влияний окружающей ребенка среды, и чем старше он становился, тем, по-видимому все более приходил к мысли о том, что средовые изменения мало чем могут помочь в смягчении силы инфантильного конфликта. Многие аналитики стали разделять его точку зрения. Некоторые же аналитики не только считали, что ошибаются те из нас, кто придает более важное значение для развития ребенка воздействию окружающей среды, но и высказывали опасения, не приведет ли акцентирование нами внимания на важности окружающей ребенка среды к отвлечению внимания от основополагающего факта интрапсихического конфликта. Следует признать, что такая опасность существует, что психоаналитиками были написаны книги об уходе за ребенком, главный фокус которых был сосредоточен на экстрапсихическом конфликте - а

именно, на конфликте между потребностями ребенка и ограниченными возможностями, предоставляемыми для их удовлетворения окружающей его средой.

Хотя, как я уже отмечал, я считаю, что этот экстрапсихический конфликт между внутренними потребностями и внешними возможностями для их осуществления достаточно реален, я хочу подчеркнуть, что, по-моему, это, само по себе, имеет лишь ограниченную значимость для психического развития. Что значимо в отношении внешней среды, так это та степень, в которой налагаемые ею фрустрации и другие воздействия ведут к развитию интрапсихического конфликта такой формы и интенсивности, что незрелый психический аппарат младенца или маленького ребенка не может удовлетворительным образом его регулировать. Посредством как раз такого критерия нам следует оценивать достоинства или недостатки действий по уходу за ребенком, и если мы будем подходить к данной проблеме таким образом, я полагаю, психоанализ может внести в ее разрешение принципиальный вклад.

Хотя я твердо и даже страстно являюсь сторонником той точки зрения, что текущие ситуации, с которыми сталкивается младенец или маленький ребенок, решающе важны для его развития, я повторяю, что мне не хотелось бы производить впечатление, что теперь нам известно, как помочь всем детям вырасти без эмоционального расстройства. Конечно, я считаю, что нам уже многое известно и что если бы мы были способны применять наше нынешнее знание (но вследствие нехватки обученных специалистов я боюсь, что это очень большое "если бы"), то результатом было бы громадное возрастание человеческого счастья и огромное снижение психологических заболеваний.

Тем не менее, было бы глупо предполагать, что наше знание достигло уже таких вершин, что мы можем гарантировать, что если у ребенка будут такие-то и такие-то переживания, он будет расти без особых трудностей, И дело не только в том, что приходится сражаться с такими трудными проблемами, как те, которые возникают от искажающего воздействия фантазий ребенка и его ошибочной интерпретации мира вокруг него³, о чем я ничего не говорил в этой лекции, но также вполне могут иметь место трудности в развитии ребенка, первопричина которых в данное время нам абсолютно неизвестна. Даже относительно тех проблем, о которых нам кое-что известно, наше знание все еще скудно и недостаточно основывается на систематически собранных данных. Поэтому потребность в исследовании такого рода огромна, и по мере роста нашего понимания будут расширяться возможности для плодотворной исследовательской работы.

³ Я полагаю, что искажающее воздействие фантазий ребенка было сильно преувеличено в традиционном психоаналитическом теоретизировании. Чем больше деталей мы узнаем о событиях в жизни ребенка и о том, что ему говорилось, что он нечаянно услышал и что он наблюдал, но, предположительно, не знал, тем более ясным образом смогут его представления о мире и о том, что может произойти в будущем, рассматриваться как абсолютно разумные толкования. Данные для такой точки зрения представлены в последующих главах второго тома и на всем протяжении третьего тома работы "Привязанность и утрата". Этологический подход к исследованию и развитию ребенка».

Лишь будущее покажет, какие исследовательские подходы окажутся наиболее плодотворными. Всякое исследование – это азартная игра, и нам приходится ставить наши деньги на тех лошадях, к которым мы питаем пристрастие. Лично я склонен поддерживать из этой большой области выбора гибридные породы. Мне кажется вполне вероятным, что исследования мотивации. У маленьких детей, в особенности исследование того образа взаимодействия, в котором мать и младенец развивают крайне насыщенное эмоциональное взаимоотношение, центрально важное для психоанализа, приобретут намного большую точность и ясность от применения концепций и исследовательских методов, развитых европейской школой, возглавляемой Лоренцом и Тинбергеном, при исследовании поведения животных. Это направление часто известно под названием этологии. Я также надеюсь, что наша проницательность вглубь того когнитивного мира, который выстраивает для себя, а затем заселяет и преобразует младенец и маленький ребенок, очень сильно продвинется в результате пионерских концепций и исследовательских методов Пиаже. Сходным образом, можно надеяться, что теория обучения прольет свет на те процессы обучения, которые случаются в критические месяцы и годы, когда рождается новая личность.

Тем не менее, сколь бы незаменимыми не являлись подобные научные вклады, они окажутся бесплодными, если не будут постоянно интерпретироваться в свете знания, полученного в результате глубокого контакта с эмоциональной жизнью детей и родителей в клинической ситуации, используя такие методы, как методы разработанные Мелани Кляйн и Анной Фрейд, а также другими детскими аналитиками, и черпая свое вдохновение в трудах того человека, столетие со дня рождения которого мы празднуем на этой неделе.

***Постскриптум:** Большинство тем, которые я начал обсуждать на этой лекции, снова обсуждается в последующих лекциях в этом сборнике. Для ознакомления с более поздними исследованиями о развитии взаимоотношений мать-младенец смотрите работу Стерна (1977).*